

Глоссарий мафии

Братва — русская мафия в США.

Дон или **босс** — глава криминальной семьи.

Законы РИКО — «Закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях» — федеральный закон, принятый в 1970 году. Позволяет прокурорам добиваться более суровых наказаний, если они доказывают, что подсудимый является членом мафии.

Капо — по-итальянски «командир». Член криминальной семьи, возглавляющий команду солдат.

Коза Ностра — преступная организация, орудующая в США и состоящая из итало-американских криминальных семей.

Комиссия — руководящий / правящий орган Коза Ностры, заседающий в Нью-Йорке — столице организованной преступности США.

Консильери — по-итальянски «советник» или «консультант». Член криминальной семьи, который дает советы боссу и разрешает споры.

Мафиозо / мафиози — официальный член мафии, посвященный в криминальную семью.

Мафия — Коза Ностра / криминальная семья.

Омерта́ — кодекс молчания в мафии. Нарушение омерты обычно карается смертью.

Подручный — заместитель босса в криминальной семье, посвященный член мафии, который тесно работает с боссом и подчиняется ему напрямую.

Пять семей — пять криминальных семей, правящих в Нью-Йорке, каждую возглавляет босс.

Солдат — член мафии низкого ранга, который подчиняется капо.

Триада — китайский криминальный синдикат.

Филиал — чикагское подразделение Коза Ностры.

La famiglia / famiglia — «семья» по-итальянски.

Soldati — «солдаты» по-итальянски.

Пролог

Сьерра

— Ты можешь сделать мне предложение, — говорит Саския Бену, хлопая ресницами, словно она белая и пушистая, достойная замужества девушка, а не бессердечная стерва-манипуляторша, которая обожает надо мной издеваться при каждом удобном случае.

Прищурившись, она бросает взгляд поверх плеч Бена в мою сторону. Я убираю голову обратно в темную нишу и сильнее вжимаюсь спиной в стену, молясь, чтобы сестра не обнаружила, что я за ними слежу. Если она узнает, что я подслушивала ее отвратительные попытки окольцевать своего парня, мне это дорого обойдется.

— Что? — мямлит Бен, и у него вырывается сдавленный смешок. — Ты же не всерьез?

Я слышу в его голосе явное недоверие, и захлестнувшая меня паника постепенно стихает. Потираю сдавленную грудь. Жаль, что я не вижу его лица и не знаю, задумался ли он хоть на секунду над ее смехотворным предложением. Я часто гадала, как может Бен так долго выносить мою старшую сестру. Я не сомневалась, что он даст ей от ворот поворот

в первые же недели. Но они встречаются уже год. По моему, за такое долгое терпение ему нужно вручить золотую медаль.

— А почему бы не всерьез? — огрызается Саския более привычным мне тоном.

— Начнем с того, что тебе двадцать, а мне двадцать один, — отвечает Бен примирительно.

— Мы взрослые, — сердится Саския, а я закатываю глаза.

Она частенько мне такое заявляет. «Сьерра, я взрослая, а ты еще ребенок. Ты будешь делать как я говорю, или я скажу папе, что ты опять набедокурила».

Я сжимаю кулаки. Жаль, что между мной и сестрами такая разница в возрасте. Может, если бы они были меньше, то не считали бы меня младшей сестренкой, от которой одни неприятности, а я бы не чувствовала себя чужой в собственной семье.

По-настоящему меня понимает только мама.

Для сестер я досадная помеха.

Для отца — несчастный случай, который вечно вносит разлад в его идеальную жизнь, потому что не хочу подстраиваться.

Пусть мне всего тринадцать, и я еще не разобралась как следует в самой себе, но уже знаю достаточно, чтобы хотеть идти по жизни собственным путем. Не следовать послушно планам, которые наметил для меня отец — как сделал для обеих моих сестер — только потому, что мы должны сохранять лицо как дочери одного из самых богатых, влиятельных и успешных бизнесменов в Соединенных Штатах.

Да пошло оно все.

Благодарю покорно, я выберу собственный путь в жизни.

А если он от меня откажется, то так тому и быть. Пусть лучше меня прогонят, и я буду вольна прини-

мать собственные решения, чем жить богатой и несчастной.

— Достаточно взрослые, чтобы голосовать, заниматься сексом и вступать в брак, — добавляет Саския, и я снова прислушиваюсь к их разговору.

Бен прочищает горло.

— Только не говори, что ты предлагаешь пожениться лишь затем, чтобы заняться сексом.

От такого поворота беседы у меня вспыхивают щеки, а в животе возникает странный трепет. Это ощущение появляется всякий раз, когда я мечтаю о Беннете Карвере.

Уверена, есть какие-то правила насчет того, что нельзя отбивать парня у сестры, и, наверное, меня ждет наказание за непристойные мысли, но не могу ничего поделать: мне нравится Бен, потому что он удивительный. И чертовски привлекательный. Не могу отрицать, я фантазировала о том, как запущу пальцы в его густые темно-каштановые волосы — я видела, что так делает Саския, или утону в его пронзительных голубых глазах. А еще я представляла, каково прикасаться к нему и целовать его. Щеки вспыхивают еще жарче, кажется, будто они горят огнем, и я прижимаю к лицу холодную и потную ладонь, желая погасить пламя.

Моей сестре очень повезло, потому что Бен потрясающий. Дело не только во внешности, он милый, добрый и забавный, и он обращается со мной как с достойным человеком, а не как с какой-то гадо-стью, прилипшей к подошве ботинка.

Он видит меня. Как и мама. И за это я его люблю.

— Я предлагаю не поэтому, — Саския понижает голос, и ее хрипотца действует мне на нервы. — На самом деле я решила, что больше не хочу ждать. Я хочу тебя.

К черту последствия. Мне нужно видеть, что происходит. Я осторожно высовываю голову из ниши

и подавляю боль при виде того, как сестра, обвив руками шею Бена, поглаживает редкие волоски на его загривке и смотрит на его губы так, будто хочет сожрать парня заживо.

— Я думал, ты ждала брачной ночи, — отвечает Бен спокойным, ничего не выражающим тоном.

— Я передумала, — мурлычет она, прижимаясь к нему всем телом.

Бен опускает руки на ее бедра, и я хмурюсь. Хочется ринуться в комнату и оторвать его от нее.

— Почему?

— Это так важно? — В ее голосе сквозит раздражение. — Я позволю тебе переспать со мной. Разве не этого ты хотел все это время?

Бен отпускает ее и шагает назад, проводя рукой по волосам.

— Я уважал твои желания, Саския, и никогда на тебя не давил. Не делай вид, будто я вынуждаю тебя что-то делать.

— Почему с тобой все так сложно? — шипит она, складывая на груди руки и сердито глядя на него.

— Что за черт? — Он выдавливает смешок. — У тебя хватает нахальства обвинять меня после того, как только что предложила пожениться? Ты хотя бы слышала, как бредово это прозвучало?

— Не смейся над моими чувствами. — Она выпячивает губу, и я опять закатываю глаза. — Я люблю тебя и знаю, что мы созданы друг для друга, так зачем ждать?

— Ого. — Бен делает еще шаг назад и снова проводит рукой по волосам. — С меня довольно. Я пришел отвести тебя поужинать, но мне все больше кажется, что угодил в ловушку.

— А теперь ты драматизируешь, — Саския тычет его в грудь пальцем.

У меня заболят глаза, если я закачу их еще сильнее.

— Может, лучше отложим это на другой вечер, — говорит Бен, и Саския на миг тревожно расширяет глаза.

— Не делай из мухи слона, — она подходит к нему вплотную и прижимает руки к его груди в черной рубашке на пуговицах. — Мы же не можем праздновать нашу первую годовщину в другой вечер.

На лице Саскии появляется напускная приторная улыбка, при виде которой у меня всегда создается впечатление, будто она страдает запором.

— Забудь, что я сказала. Поговорим об этом позже.

Бен громко вздыхает в тишине комнаты, но, похоже, видит на ее лице что-то такое, что скрепляет сделку.

— Ладно. Тогда пойдем развлечемся.

Он убирает прядь ее волос за ухо, а мне хочется оторвать его пальцы от сестры. Мне ненавистно то, что она чувствует его прикосновения. Мне хочется быть старше, чтобы я могла бороться с ней за него, потому что из меня вышла бы подруга получше.

— Я еще не собралась, — говорит Саския, делая шаг к двери.

Не желая слышать окончание разговора, я выскальзываю из ниши и покидаю комнату. Шлепая босыми ногами, я тороплюсь в свою студию, пока сестра не вышла и не засекала меня.

Двадцать минут спустя, позабыв о ней и Бене, я широкими мазками рисую на холсте яркие цветные завитки.

Несколько лет назад мама сделала для меня художественную студию в одной из ненужных комнат, и теперь это мое убежище в нашем чудовищном доме. Если у меня плохой день или мне что-то досажает, я запираюсь здесь и выпускаю пар, рисуя. Я не ограничиваю себя и без разбора экспериментирую со всем, что привлекает мою творческую сторону. Мама потакает моим капризам, и я беру уроки жи-

вописи, акварели, гончарного дела и изготовления украшений. Сейчас я хожу на уроки фотографии и с удовольствием осваиваю новенький «никон», который мама купила мне на день рождения.

Но сегодня мне хочется выразить себя в рисовании. Широкие окна студии выходят в сад за домом, и мне нравится открывающийся вид. Я начала рисовать красивый ухоженный газон и аккуратные цветочные клумбы, но сейчас я даю волю своей творческой жилке, и картина превращается в безумные цветные пятна, мазки и точки.

В реальный мир меня возвращает настойчивый стук в дверь. Когда она открывается и в студию заглядывает Бен, мои губы растягиваются в широкой улыбке.

— Я не мешаю гению работать? — подтрунивает он с ослепительной улыбкой, от которой у меня замирает сердце.

— Мешаешь, но я не против.

Я кладу кисть на мольберт, вытаскиваю из пачки влажную салфетку и иду к двери, на ходу вытирая пальцы.

Бен протискивается в комнату, оставляя дверь полуоткрытой.

— Это хорошо, потому что я тебе кое-что принес.

Он идет ко мне, протягивая небольшую коробку, и его улыбка становится шире.

Я взвизгиваю и хлопаю в ладоши.

— Они снова открылись?

Моя любимая кондитерская закрылась без объяснений несколько недель назад, и я уже не надеялась когда-нибудь снова попробовать их восхитительные кексы.

Бен кивает и вручает мне коробку.

— По пути сюда я заметил в кондитерской свет, остановился и прихватил пирожное для моего любимого Светлячка.

Он ерошит мои волосы, и по всему моему телу разливается тепло.

Открыв коробку, я позволяю своим длинным светлым волосам повиснуть вокруг лица, чтобы скрыть румянец на щеках.

— Красный бархат. Вкуснятина!

Я сую указательный палец в мягкую сладкую глазурь.

— Это же твои любимые? — Он прислоняется к длинному столу позади нас.

— Эти и их...

— Трюфеля с арахисовым маслом, — заканчивает он.

Я награждаю его улыбкой и облизываю палец.

— Ты хорошо меня знаешь.

— Думаю, да, — сдвинув брови, он осматривает комнату. — Черт, Светлячок, ты всерьез увлеклась фотографией. Снимки потрясающие.

Я вся таю от его похвалы. Развернувшись, внимательно изучаю фотографии, беспорядочно развешанные на дальней стене.

— Я еще учусь технике, но это прикольно. Мне нравится.

— Ты такая талантливая.

Оттолкнувшись от стола, он подходит к стене и проводит пальцем по новейшим добавлениям к моей настенной выставке. Я скопировала кадр из фильма о Гарри Поттере: высоко в небо возносится замок Хогвартс в окружении дремучего зеленого леса. В течение нескольких месяцев под настроение я подрисовывала новые детали.

— Ты добавила Гарри, — говорит Бен, оглядываясь на меня через плечо.

— И Гермиону с Роном, — подойдя к нему, я показываю маленькие фигурки в небе, летящие на метлах. — После аттракционов в «Юниверсал Студиос» пришлось добавить игру в квиддич.

Я обвожу пальцем округлый край золотого снитча и довольно улыбаюсь.

Бен и рисование делают меня счастливой, и в этот момент я могу взорваться от радости.

— Сьерра, ты черпаешь вдохновение отовсюду. Я был бы не прочь посмотреть на мир твоими глазами.

— Мир — это одно бескрайнее море вдохновения. Как могу я не вдохновляться каждую секунду каждой минуты каждого дня?

Он наклоняется, его великолепное лицо оказывается рядом с моим, и я забываю как дышать.

— Думаю, ты сама вдохновляешь, Светлячок.

Очень осторожно он заправляет мне за ухо прядь волос, и мои щеки вспыхивают. Но я борюсь со смущением и выдерживаю его взгляд, а он восторженно улыбается.

— Никогда не меняйся.

— Э... не буду, — хрипло отвечаю я и расстраиваюсь, когда он выпрямляется и отходит назад.

— Я подумала, что ты можешь быть здесь, — говорит Саския.

Я подскакиваю от неожиданности и тоненько взвизгиваю.

— О боже. Ты меня напугала.

Она прищуривается.

— Нехорошо подслушивать личные разговоры, правда? — спрашивает она, ясно давая понять, что ей известно о моей слежке.

— Бен принес мне пирожное, — резко отвечаю я, показывая ей коробку.

— Ты растолстеешь, — протягивает она, оглядывая меня с головы до пят. — А лишние фунты тебе ни к чему. Ты и так уже пухленькая в талии.

Я вспыхиваю и заливаюсь краской от обжигающего смущения. Я борюсь со слезами — не хочу, чтобы она видела, как сильно меня задела. Как она могла сказать такое при Бене?

— Саския, не будь такой жестокой, — говорит Бен.

Мне нравится, как быстро он всегда встает на мою защиту. Он мой герой, и я всегда буду боготворить землю, по которой он ходит. Он поворачивается ко мне, и его лицо смягчается.

— Ты идеальна такая, как есть.

Он гладит меня по голове, и мое смущение мигом проходит.

— Я просто стараюсь воспитывать мою младшую сестренку. Мир — жестокое место. — Саския пересекает комнату и переплетает пальцы с пальцами Бена, а я стискиваю зубы. — А на толстых цыпочек клюют только противные стариканы.

Она гладит меня по голове, но в ее жесте так и сквозит снисходительность.

— Так что жуй свое калорийное пирожное, Светлячок, но не вини меня, когда станешь одинокой толстушкой.

Бен выдергивает руку из пальцев Саскии, но это приносит мне лишь кроху радости, потому что ее обидные слова и злой взгляд пронзают стены, за которыми я прячусь, и ее удар сильно ранит.

Я знаю, что в последнее время немного прибавила в весе, но только потому, что у меня еще не начался скачок роста. Я самая маленькая в классе, и большинство моих друзей выше меня. Мама сказала, что не стоит беспокоиться по этому поводу, вес уйдет, когда я вытянусь. Обычно я горжусь тем, что не помешана на своей внешности, в отличие от Саскии и Серены, которые часами торчат перед зеркалом, но я недостаточно сильна, чтобы защищаться от таких ужасных нападков. Я думала, что старшие сестры должны защищать младших, а не проявлять беспричинную грубость и жестокость.

— Саския, ты переходишь границы, — говорит Бен сквозь зубы. — Извинись перед Сьеррой.

Она фыркает.

— Ты мой парень, а не отец, я не буду извиняться за то, что была честна. Бог свидетель, Сьерра не задумывается о чувствах других, когда выкладывает, что у нее на уме.

Бен открывает рот — наверное, чтобы снова меня защитить, но на этот раз я его перебиваю.

— Я в порядке, Бен. Я привыкла к воспитательным методам Саскии. И меня не волнует, что она говорит, — лгу я, запихивая кекс в рот и пытаюсь испепелить сестру взглядом.

Она смотрит на меня с отвращением и уже собирается что-то сказать — конечно, чтобы оскорбить, но замирает с открытым ртом, как рыба на суше, когда Бен бросает на нее мрачный и какой-то пугающий взгляд.

— Может, покончим с этим? — спрашивает она через пару секунд, взяв себя в руки.

Бен что-то бормочет себе под нос, его грудь вздымается, и он кивает.

Проглотив вкуснейшую воздушную субстанцию, я бегу к столу и хватаю отложенный в сторону рисунок, а потом бросаюсь к двери, пока они не ушли.

— Спасибо за пирожное, — говорю Бену и сую рисунок ему в руки. — Я нарисовала это для тебя.

Он с улыбкой берет бумагу, внимательно разглядывая картинку, которую я придумала специально для него.

— Светлячок, который излучает свет и энергию, прямо как девочка, которая его нарисовала, — говорит он.

Я стараюсь не расстраиваться от слова «девочка», но трудно не падать духом. Я знаю, что мои чувства останутся без ответа, а подобные слова разрушают иллюзию. И все же я предпочла бы пребывать в блаженном неведении, когда дело касается Беннета Карвера.

— Спасибо, Сьерра. Я тебя люблю.

Он наклоняется и запечатлевает легкий поцелуй на моей щеке. Мои ноги едва не подгибаются. Саския за его спиной самодовольно ухмыляется, а заносчивое выражение ее лица говорит о том, что ей известно о моей влюбленности в ее парня.

— Я буду его беречь, — добавляет Бен.

Саския закатывает глаза.

— Дурацкий рисунок от впечатлительного влюбленного ребенка. Только не делай вид, будто это шедевр.

— Ты законченная стерва, а мое терпение имеет свои пределы, — говорит ей Бен, и у него такой вид, будто он готов свернуть ей шею.

Не уверена, что расстроюсь, если он это сделает.

— О, расслабься, — Саския пытается отделаться смехом. — Ты сегодня такой напряженный.

Она хватается за плечи и мурлычет:

— Но после ужина я могу с этим помочь.

Мне становится дурно.

— Неужели ты умрешь, если будешь вести себя прилично? — спрашивает он, переводя взгляд с Саскии на меня.

— Я прилично себя веду, — протестует она, и я с трудом подавляю желание закатить глаза. — И правда не могу взять в толк, почему тебя это волнует. Она же не твоя младшая сестра.

На его челюсти дергается мышца, и я про себя радуюсь тому, что у сестры сегодня язык как помело. Может, Бен наконец опомнился. Может, он собирается порвать с ней. Боже, надеюсь на это, потому что он заслуживает гораздо большего.

Но моя радость быстро меркнет, как только я соображаю, что это будет значить. Я больше его не увижу. Он не будет приносить мне кексы из кондитерской «Маунтейнвью». Не будет говорить со мной о моем творчестве или спрашивать, как дела

в школе, а я лишусь человека, который, похоже, проявляет интерес к моей жизни.

Но я могу пойти на такую жертву, если это означает, что он освободится от ведьмы и найдет хорошую девушку, которая будет его ценить.

— Если бы у меня был брат или сестра, — говорит Бен, — я бы заботился о нем или о ней и делал бы все, чтобы воспитать в них уверенность, а не сломить. Ты не понимаешь, как тебе повезло.

— А ты не понимаешь, как повезло тебе, что ты единственный ребенок, — возражает она.

Бен убирает с себя ее руки, и я вижу, что он с трудом сдерживается.

— Давай просто уйдем, чтобы не опоздать на ужин, — говорит он после нескольких секунд молчания. Поворачивается ко мне в последний раз и награждает чудесной улыбкой. — Доброй ночи, Светлячок.

— Доброй ночи, Бен.

Может, в тот вечер у меня проснулось шестое чувство, но тогда я видела Бена в последний раз. Менее чем через неделю он загадочным образом пропал. Исчез, никому ничего не сказав, бросил свою девушку, не известив ее, рассерженную и с разбитым сердцем.

Много лет я гадала, что с ним стряслось. В безопасности ли он. Счастлив ли. Пока мне не удалось позабыть его и выбросить из головы.

Я никогда не думала, что встречу его вновь.

Никогда не думала, что ему придется меня спасать.

И уж точно никогда не думала, что буду его бояться.